

МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ ПУЛЬКИН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8846-1781; mvpulkin@mail.ru

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДАХ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Рассмотрены основные закономерности мероприятий, нацеленных на улучшение церковного пения в Олонецкой епархии. Актуальность темы связана с особым, неизменным литургическим значением церковного пения как в изучаемый период, так и в наши дни. Новизна исследования определяется отсутствием предшествующих работ, полной неизученностью представленной в статье темы с опорой на материалы северных епархий. Основные выводы статьи состоят в следующем. Судя по материалам делопроизводства консистории и статьям из епархиальной прессы, духовные власти и миряне постоянно и настойчиво предъявляли духовенству схожие по форме и содержанию требования, связанные с «благолепием» в богослужебном обиходе. Под влиянием неуклонно растущих запросов со стороны духовного начальства и мирян церковное пение стало значимым элементом подготовки духовенства, превратилось в один из обязательных предметов преподавания в церковно-приходских школах, послужило заметной перспективой для поддержания и развития музыкальных талантов среди взрослых прихожан. Основной тенденцией в развитии хорового дела в епархии стало привлечение широких масс прихожан к полноценному участию в богослужениях путем совместного с духовенством регулярного исполнения церковной музыки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пение, музыка, церковь, верующие, клир, духовенство, школа, хор

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000029-0).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пулькин М. В. Церковное пение в православных приходах Олонецкой епархии в конце XVIII – начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 83–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1354

ВВЕДЕНИЕ

Значение церковного пения в богослужении выходит далеко за рамки простого музыкального украшения священнодействия. Святой Иоанн Златоуст называл церковное пение «голосом Церкви». Исторически сложившийся порядок предполагает, что в православном богослужении нет места инструментальной музыке. Следовательно, человеческий голос признается самым совершенным музыкальным «инструментом», созданным Богом. В литургическом обиходе во время церковного пения достигается единство слова и звука. В отличие от концерта, где важен эстетический эффект, в храме пение служит для того, чтобы в полной мере донести до мирян смысл молитвы. По устоявшимся в литургическом обиходе нормам, некоторые молитвы поются всеми находящимися

в храме. Церковная музыка призвана не возбуждать чувственные эмоции (страсти), а возводить ум к «горнему миру». Отсюда строгость мелодий, отсутствие резких динамических контрастов. В идеале, сформированном в древности, в храме поет весь народ: пение является видимым выражением соборности Церкви.

Исследовательская проблема церковного пения включает значительное число аспектов. Главнейшим из них по праву остается музыковедение, предполагающее изучение таких проблем, как «хоровое движение» в России [6], формирование стилей, длительное греческое влияние на православное церковное пение. Нередко рассматриваются и другие особенности его становления в России [2], [3]. Не менее существенным представляется аспект проблемы, доступный изучению религиоведа, слабо знакомого со

спецификой искусствоведения, но имеющего опыт работы с архивными документами [1], [11]. Такого рода исследования выполняются в разных частях России с опорой преимущественно на местные материалы. Здесь в приоритете оказываются сведения об организации церковных хоров в приходах и духовных учебных заведениях, подготовка их участников, инструкции церковного начальства, связанные с указанной проблемой [9]. Особенности организации церковного пения в Олонецкой епархии никогда не становились темой специального исследования. Источниковой базой статьи послужили российские законы, отчеты благочинных, прошения прихожан, публикации епархиальной прессы. В совокупности они дают возможность изучить вопросы организации церковного пения на протяжении длительного исторического периода. Задача исследования состоит в выявлении основных факторов, влияющих на внедрение церковного пения в богослужебный обиход, изучении методов подготовки певчих и руководителей (регентов) церковных хоров.

Отправной точкой анализа стало российское законодательство. Синод всегда уделял существенное внимание всем элементам церковной жизни, связанным с поддержанием благолепия в богослужении. В XIX веке законодатель удостоил особого попечения церковную музыку. Эталоном послужил придворный храм: в 1833 году по высочайшему повелению все епархиальные архиереи получили предписание снабдить приходские церкви «нотными книгами простого церковного пения», используемыми «в придворных церквях»¹. Другой аспект проблемы – подготовку певчих – тоже не забыли: указом Синода от 7 мая 1847 года священники, обучающие крестьянских детей в школах, обязывались регулярно заниматься с ними, помимо прочих учебных предметов, и церковным пением, «чтобы они могли петь на клиросах в праздничные дни»². Согласно синодальному указу от 20 августа 1852 года, «во избежание народного соблазна» иереям не разрешалось исполнять в церквях «переложения церковных песнопений», не одобренные духовным начальством. Нарушителей распоряжения сурово наказывали: регенты, «виновные в неисполнении сего», подвергались «строжайшему взысканию и удалению от сих должностей»³.

БЛАГОЛЕПНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Ко времени появления указанных выше законов в Олонецкой епархии имелись длительные традиции и опыт организации пения в церквях. Первые документальные свидетельства

связаны со ставленническим делопроизводством. Дьячков сын Иван Ерофеев в 1788 году представил в Синод прошение, заявляя, что прихожане выбрали его на отцовское, ставшее вакантным место. «По резолюции Преосвященного» дьячок прошел необходимые перед рукоположением испытания: оказался «в книжном чтении исправным», а по «незнанию ж нотного пения» обучался в монастыре⁴. В 1775 году епископ отказал в хиротонии сыну священника Тихону Иванову по причине «незнания» катехизиса и отсутствия навыков пения⁵. В некоторых случаях сами прихожане отвергали тех кандидатов на должности, которые не обладали необходимыми для благолепного богослужения навыками. Миряне Кижского прихода в 1795 году «выбрали во священника» по причине «благоповедения» дьячка Петра Иванова. Но оказалось, что вместо него «стремится желанием поместиться» другой претендент. Его кандидатуру крестьяне требовали отклонить: «он, Петров, <...> петь и вовсе не знает»⁶. Материалы следующего столетия содержат существенно больше свидетельств. В 1824 году духовная консистория рассматривала вопрос о рукоположении во священника. На его прошении появилась благоприятная отметка: «Проситель читает и поет по нотам исправно»⁷. На документе, составленном священническим сыном Гавриилом Семеновым, новгородский митрополит Михаил оставил следующую резолюцию: «в чтении не исправен, петь не умеет». Кандидату на должность предлагалось каким-то образом «обучиться чтению и пению совершенно» и вновь явиться в консисторию⁸.

В середине XIX века церковное начальство с удовольствием отмечало, что церковное пение прочно вошло в повседневный обиход. Как говорилось в сведениях о состоянии Петрозаводского городского благочиния, «первая попечительность» духовного начальства состояла в том, чтобы священнослужители «отнюдь не позволяли себе никаких опущений и произвольных нововведений в отправлении церковного богослужения <...> с внятным чтением и стройным пением». После начала Крымской войны «совершалось молебное пение, певаемое во время брани против супостатов»⁹. Епархиальная печать постоянно напоминала о том, что «музыка есть самое духовное из искусств»¹⁰. Улучшение службы, постоянное укрепление «традиционно-эстетической религиозности» в конце XIX века являлись одной из главных задач церковного руководства [5], [8: 22]. Во многих епархиях России сохранялись заметные проблемы: церковные хоры «ча-

сто напоминали китайские оркестры: кто в лес, кто по дрова» [10: 232].

Скромные успехи тоже фиксировались в делопроизводстве: благочинные указывали в отчетах, что во вверенном их попечению округе богослужение «отправлялось своевременно», не допускалось «двоегласие в пении»¹¹. К началу XX века в Олонецкой епархии благозвучное и неспешное нотное пение оставалось мечтой большинства приходских священников. Автор статьи, опубликованной в епархиальных ведомостях, задавал вполне обоснованный вопрос:

«Посмотрите, много ли вы найдете таких приходов, где на клиросе вы увидите не одного-двух, а несколько прихожан-крестьян, не говоря уже составляющих правильно организованный церковный хор, а хотя бы лишь мало-мальски сносно поющих?»¹²

Отчет олонецкого благочинного указывал на пути решения проблемы и первые успехи: «...причетники, если и оставляют еще многого желать <...> однако многие достигли посредством практики осмысленного и выразительного навыка в чтении церковном и пении нотном»¹³. Судя по репортажу о пребывании финляндского архиепископа Сергия в Петрозаводске, торжественное и благолепное богослужение украсило праздник:

«Хорами семинарских певчих, под управлением специалиста церковного пения, священника М.В. Громцева, безукоризненно были исполнены в переложениях лучших композиторов священные песнопения: “Благослови душе моя, Господа”, “Блажен муж”, “Свете тихий”, “Ныне отпускаеши”»¹⁴.

Отдельные корреспонденции дополняли неоднозначную картину. По данным на 1902 год, в селе Остречины «церковное пение совершенно неудовлетворительно в виду того, что нет хорошего регента»¹⁵. Как указывалось в статье, подготовленной местным архиепископом, во время богослужений следовало «петь ровно, отчетливо, не заминая слов и слогов до неразборчивости <...> Прокимен петь на глас, а не просто монотонно <...> панихиду и отпев надо петь неторопливо»¹⁶. Священник Дм. Островский указывал на важный аспект достижений: «Некоторые песнопения и чтения исполняются на карельском языке»¹⁷. К концу изучаемого периода современники событий полагали, что в церковном пении просматривается перспектива дальнейшего совершенствования. Чрезвычайное собрание духовенства и мирян, состоявшееся в 1917 году, подчеркивало необходимость улучшить ситуацию в сфере церковного пения:

«Пение при богослужении занимает одно из первых мест. За последнее время, под влиянием увлечения партесным пением, миряне все дальше и дальше уstraняются от участия в пении. Это явление ненормальное.

Нужно стремиться к тому, чтобы все принимали участие в пении».

Для достижения указанной цели «нужно избегать вычурных, сложных, малодоступных напевов. Введение общего пения является насущной потребностью времени»¹⁸. Для успешной организации церковного пения необходима постоянно действующая система выявления и поддержки вокальных талантов, а также массовое обучение певчих.

ПОДГОТОВКА ПЕВЧИХ: ШКОЛЫ И СЕМИНАРИИ

В конце XVIII – начале XIX века существовала практика, согласно которой в штатных монастырях и пустынях грамоте и церковному пению в течение года обучались дети священно- и церковнослужителей из окрестных приходов [4], [7: 217]. Как надеялись организаторы подготовки, священник «может быть душой этого дела в приходе». Исключение «составляют только лица, совсем не имеющие слуха или голоса»¹⁹. Собрание членов Александро-Свирского братства, отмечая низкий уровень подготовки приходских певцов, рекомендовало священникам «проявить самое живое и сердечное участие в деле организации церковных хоров из учащих-ся и потрудиться в обучении детей пению»²⁰. В описании Кижского прихода присутствуют указания на возможности развития церковного пения: оно «может быть улучшено значительно при большом количестве учащих-ся в приходе»²¹. Для повышения качества богослужений в епархии появились должности священников-катехизаторов. Как видно из инструкций, составленных олонецким церковным начальством, священники, занимающие указанную должность, обязаны не только заниматься вероучительными беседами, но и проводить спевки церковных хоров²².

Церковное пение стало одним из предметов преподавания в приходских школах. В Контушском приходе Вытегорского уезда «учащиеся под руководством священника девочки настолько успели в искусстве пения, что могли петь на левом клиросе во время совершения архиепископом в приходском их храме всенощного богослужения». Для «поощрения усердия» епархиальный преосвященный раздавал отличившимся ученикам наперсные кресты, иконы, Евангелия «и другие религиозно-нравственного содержания книги», а наставникам объявил благодарность²³. В некоторых приходах Вытегорского уезда «немалую услугу оказывают заведенные из мальчиков и девочек певческие хоры». Они «стройным на клиросах пением и толковым чтением при-

влекают в храм Божий родителей этих маленьких певцов»²⁴.

В опубликованном в 1900 году описании праздника в Ошевенском приходе подчеркивалась особая роль школы в воспитании подрастающего поколения: «Здесь, близ храма Божия, устроена школа церковно-приходская <...> учат их здесь прославлять Господа молитвами и церковными песнопениями»²⁵. Аналогичная картина наблюдалась и в других приходах. Пресса с удовольствием представляла сцены из приходского обихода: «Дети Ведлозерского училища в чистых и светлых одеждах стояли чинно рядами у солей – мальчики около правого клироса, девочки – около левого»²⁶. Все они «вместе с поющими на клиросе твердо и согласно пели все положенные на литургии церковные песнопения»²⁷. Отчеты благочинных содержат описания таких же сцен:

«Дети, обучающиеся в народных школах, как земских и министерских, так и церковно-приходских, обязательно посещали храм Божий, принимая деятельное участие в пении на клиросе <...> по мере своей подготовленности и способности к сему делу»²⁸.

Во время духовных чтений нередко происходило «всенародное пение молитв, символа веры, тропарей двенадцатых праздников, исполнение хором и учениками на скрипках церковных песнопений»²⁹. В 1909 году появилось описание храмового праздника в Олонецкой духовной семинарии. В репортаже говорилось о прекрасном исполнении хорами семинарских певчих «священных песнопений в переложениях лучших композиторов», а также ирмосов положенного канона и Великого славословия³⁰. К подготовке певчих подключилось Александровское братство. Владыка Никанор во время занятий в Назариевском доме лично «руководил пением народа и хоров»³¹. Наряду с успехами епархиальная печать подчеркивала остроту проблем: «Как ни обширна программа по пению в семинарии, как ни интересен материал по этому предмету, предлагаемый для воспитанников семинарии, тем не менее, цель, как мы видели, не достигается». Семинаристы остаются «дилетантами по пению». Во время проверки знаний в специальных музыкальных учебных заведениях они

«очень редко выдерживают экзамен на звание регента, несмотря на то, что семинарская программа по требованиям превышает программу, какая требуется на звание регента, как по теоретическим предметам, так точно и практическим»³².

В отчете каргопольского благочинного указывалось, что «перед праздничными днями при-

ходящие из дальних деревень мужчины и жены собираются в один дом на погосте». Они «занимаются чтением душеполезных книг и пением разных молитв и церковных песней»³³. Вытегорский благочинный сообщал о том, что

«в видах более успешного распространения в народе христианских истин и молитв, в храмах Божиих при отпраздновании богослужения чтение и пение Символа Веры, молитвы Господней и других церковных песнопений совершается неспешно так, чтобы присутствующие в храме могли следить за произношением слов поющих»³⁴.

Авторы репортажей из местной церковной газеты подчеркивали успехи и эмоциональное воздействие праздников: дети «разучивали хоровые песни и духовные песнопения»³⁵. Во время регулярных чтений в Назариевском доме Александровского братства «мальчики пели не по возрасту искусно». Общее пение «при множестве собравшегося здесь народа, производило могуче-внушительное впечатление»³⁶. Отчет о состоянии церковных школ Олонецкой епархии за 1903/1904 учебный год показывает некоторые успехи и значительные недостатки:

«В значительном большинстве школ обучение велось с голоса, по нотам пели очень мало. За отдаленностью школ грамоты от приходских церквей участвовать в пении на клиросе могли учащиеся 31 школы, в среднем по 6 человек»³⁷.

Церковное начальство указывало и на другие серьезные недостатки. «Учащиеся церковных школ, как известно, привлекаются к чтению и пению в храме во время богослужения»³⁸. Для более успешного исполнения обязанностей они «обыкновенно подготовляются учителем или учительницей». Репетициям предшествует «предварительное выслушивание», назначаемое «известному ученику или ученице», привлекаемому впоследствии «для чтения в храме и чрез устройство школьных спевков». Но,

«к сожалению, у таких чтецов и певцов нередко отнимается возможность быть в храме теми и другими на самом деле, и им приходится иногда ограничиваться только простым стоянием на клиросе. Причиной такого прискорбного обстоятельства служит неприязненное отношение псаломщиков к чьему-либо постороннему вмешательству в круг их клиросных обязанностей, а особенно со стороны учащихся детей»³⁹.

Они, по мнению псаломщиков, «своим чтением и пением лишь замедляют отправление службы, так как то и другое у них бывает неторопливым, внятным, отчетливым»⁴⁰.

Вторая проблема виделась в недостатках преподавания церковной музыки в местных учебных заведениях:

«При настоящих же условиях преподавания пения невозможно развить в ученике любви к предмету, даже внимания к нему, а без этих факторов нельзя продвигаться ни на один шаг вперед. Теперь ученики, начиная с первого класса духовного училища и оканчивая последним классом семинарии, поют только гласы и поют механически»⁴¹.

Они не знакомятся «ни с сольфеджио, ни с сольмизациею; отсюда получается тот печальный результат, что воспитанники семинарий не только не умеют читать ноты с листа, но даже хорошо не знают гласовой музыки». В итоге любой «ученик причетнической школы в области гласовой музыки ничуть не ниже стоит семинариста, изучающего пение целых десять лет»⁴². К началу XX века источники отмечают значительные успехи во внедрении церковного пения в богослужебный обиход, приближении порядка совершения литургии к такому идеальному состоянию, когда в пении принимают участие все находящиеся в храме.

ПОЮЩИЙ НАРОД: ПЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБИХОДЕ

В начале XX века богослужения и тесно связанное с ними церковное пение более-менее органично вошли в повседневную жизнь крестьян. Епархиальная пресса подчеркивала мысль о том, что общее церковное пение – «одно из испытанных средств борьбы с сектантским напором»⁴³. Исполнение церковных песнопений всеми присутствующими в храме предполагало «пение в храме всем народом за богослужениями общеупотребительнейших церковных молитв и песнопений», которое «может чередоваться с пением хора»⁴⁴. Ему «следует предоставить исполнение более трудных песнопений». Сравнительно легкие «по напеву, всем доступные по содержанию песнопения пусть поет весь молящийся народ». Такого рода участие в богослужении «было бы прекрасным средством для поддержания внимания молящихся и для оживления самого богослужения». Именно общее пение способно поддержать внимание находящихся в храме мирян: «Молящиеся наперед знали бы, что скоро наступит момент, когда они запоют всем храмом». Исполнение «всем храмом общеупотребительных молитвословий и песнопений способствовало бы более крепкому усвоению истин православной веры»⁴⁵. Епархиальная пресса подчеркивала особое значение пения в деятельности педагогов: «Народ любит, чтобы каждый учитель знал и умел регентировать церковное пение»⁴⁶. В местном церковном издании подчеркивалось особое эмоциональное воздействие церковного пения: «...как сильно оно действовало

на религиозную душу простого народа! не говоря уже про самих певцов, испытывающих какие-то особенно святые минуты»⁴⁷.

При освящении одной из церквей хор, состоящий из местных жителей, придавал особенную торжественность мероприятию: «Во все время шествия из церкви до школы, певчие, под руководством местного учителя, пели различные случаю и празднику церковные песнопения»⁴⁸. Открытие новой школы стало важным событием: «Пели любители пения из крестьян и ученики старшего отделения церковно-приходской школы» под руководством дьякона⁴⁹. При начале первых богослужений в новом храме в селе Бадогои «во все дни пение партесное и простое очень хорошо исполнял хор “заводских” певчих (из взрослых и учеников)». Певческий коллектив существовал при Бадожской церкви «при деятельном участии и заботах о нем управляющего заводом церковного старосты А. М. Ярагина»⁵⁰. Создание хора в одном из приходов епархии стало поводом для анализа его состава и для выявления проблем, связанных с его организацией: «Любители, видимо, привыкли к нотам». Их меньше, чем прежде, «страшат большие интервалы и другие технические трудности в области пения». Управление хором приобрело стабильные черты: «На одном клиросе управляет местный учитель, а на другом молодой крестьянин, горячий любитель пения»⁵¹.

Современники событий подчеркивали отрадное явление – значительное количество желающих принимать участие в организации церковной службы. За дьякона службу в церкви «с большим удовольствием пропоют мужички-любители». Им охотно помогут педагоги: «...не откажутся от участия в этом деле и господа учителя и учительницы»⁵². Церковное пение становилось украшением праздников, привлекая паломников в монастыри. Современник и очевидец событий указывал, что «стройное пение привлекло такую массу богомольцев, как из города, так равно и из окрестностей его, что монастырский храм не в состоянии был всех вместить»⁵³. Исполнение церковных песнопений становилось элементом погребального обряда: «Торжественное богослужение, мелодичное пение хора церковно-приходской школы располагало предстоящих к усиленной молитве об усопшем»⁵⁴. Во время крестного хода в Петрозаводске «пели поочередно разные хоры городских церквей и учебных заведений»⁵⁵.

Состоявшийся в 1909 году съезд хоровых деятелей подчеркивал необходимость, «для улучшения положения регента и учителя хора», всеми возможными способами «поднять уважение общества к нему как музыкальному деятелю»⁵⁶.

Успехи и достижения не замедлили проявиться. Только за 1911 год в Олонецкой епархии удалось создать 59 новых церковных хоров, состоящих из учащихся⁵⁷. Описания коллективного пения изобилуют трогательными подробностями:

«Радости не было конца после того, как владыка пригласил участвовать в пении и женщин. Зараз подхватили они, поняв владыку своим женским сердцем <...> Правда, вышло немного как-то не так, как поют обыкновенно, но ничего, не смущались женщины; подхватили мужчины и допели молитву за Царя»⁵⁸.

Иногда в епархиальной печати фиксируются признаки недовольства организацией церковного хора и уровнем подготовки певчих:

«Есть и другой вид совершения богослужений – это когда принимают участие в пении “доморощенные” деревенские певчие – крестьяне. Господи, как они ревут; положительно боишься за них, что как какая-нибудь глотка не выдержит?»⁵⁹

Другая проблема связана с замаскированным, но заметным старообрядческим влиянием. Как указывал в своей статье священник Дмитрий Островский, во время литургии в Пудожгорском приходе «богослужение совершалось истоиво. Любители-крестьяне пели на двух клиросах. В пении заметно влияние обихода и вообще древних знаменных напевов»⁶⁰.

Документы начала прошлого столетия повествуют о новых или ранее скрываемых проблемах в организации церковного пения. В 1909 году епархиальная печать указывала на замечательный юбилей – десятилетие деятельности хора приказчиков при местном храме. В репортаже указывалось, что

«доброе и вполне благое начало хору было положено одним из усердно посещающих каждую церковную службу приказчиков, ныне торгующим от себя Ф. И. Журавлевым, ему принадлежит инициатива создания хора, он сумел привить его и поставить на твердую почву»⁶¹.

Лица, заинтересованные в развитии церковного пения, объединялись в специальные сообщества и совместно разрабатывали программу дальнейших действий. В частности, в мае 1909 года в Петрозаводске состоялось собрание «деятелей церковного пения». Собрание, после обсуждения существующих проблем, предложило всем «желающим и могущим» «с оказанием всевозможного содействия» отправиться в Москву для участия в учебных курсах. Кроме того, собрание

выразило «пожелание большей молитвенности, уставности, церковности богослужебного пения», ходатайствовало о «полноте текста в церковных нотных изданиях», просило об «упрощении церковных композиций для хоров несильных»⁶². Епархиальная печать не скрывала проблемы: некоторые старосты за свой счет содержали церковный хор, что далеко не всегда имело только положительные последствия. В 1915 году в епархиальных ведомостях появилась статья, автор которой указывал на диктат со стороны толстосумов. Как оказалось, регент «всецело» зависим от церковного старосты. Богач постоянно добивался, чтобы хор следовал его указаниям⁶³.

ВЫВОДЫ

В течение изучаемого периода церковное пение претерпело серьезные метаморфозы, продиктованные как собственной инициативой местного духовного начальства, так и требованиями законодательства. Первоначально обучение церковному пению чаще всего осуществлялось в рамках семейства: навыки передавались от отца к сыну. С конца XVIII века постепенно возрастало значение монастырей. После создания Олонецкой духовной семинарии подготовку певчих удалось вывести на новый, значительно более профессиональный уровень. Проводимые в Олонецкой епархии мероприятия: систематическая подготовка певчих, массовое создание церковных хоров – целиком подчинялись указанной цели. Однако специально обученные в духовных училищах и семинарии священники-регенты церковных хоров сталкивались с рядом существенных проблем. К их числу относится отсутствие подготовленных певчих, необходимость выбора самых простых священных песнопений, пригодных для любительских (а зачастую и детских) хоров, языковой барьер между духовенством и паствой. Если подготовка профессионалов-регентов шла путем освоения нот, то формирование церковных хоров шло иным путем – «наслышкою», то есть воспроизведением мелодий на слух, путем повторения. Необходимые для богослужений тексты на языке местного населения чаще всего отсутствовали, состав церковных хоров оставался нестабильным. Тем не менее церковная печать отмечала позитивные тенденции и успехи: хорошее церковное движение к началу XX века стало массовым и повсеместным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Церковно-гражданские постановления о церковном пении. Харьков, 1878. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 11.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 52. Д. 256. Л. 33 (Прошение дьячка).

- ⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 4/13. Л. 3 (Указ Олонецкой духовной консистории).
- ⁶ Там же. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1/6. Л. 2 (Прошение крестьян Яндомозерского прихода).
- ⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 16. Д. 33/13. Л. 1 (Прошение дьячка Ивана Степанова).
- ⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/65. Л. 1 (Резолюция митрополита Михаила на прошение священнического сына Гавриила Семенова).
- ⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 20. Д. 10/98. Л. 7 (Сведения о состоянии Петрозаводского городского благочиния по указанию предметов донесения, какое должно быть в Святейшем Синоде о состоянии епархии за 1855 год).
- ¹⁰ Лисицын М. Слово перед сбором на памятник духовным композиторам Бортнянскому, Турчанинову и Львову // ОЕВ. 1909. № 4. С. 114.
- ¹¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1683. Л. 121 (Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по благочинию Каргопольских градских церквей за 1893 год).
- ¹² К. К. Открытие краткосрочных педагогических курсов для учителей и учительниц ц.-приходских школ Олонецкой епархии в г. Петрозаводске // ОЕВ. 1900. № 13–14. С. 518.
- ¹³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 63/1. Л. 22 (Отчет о состоянии второго благочиннического округа Олонецкого уезда за 1882 год).
- ¹⁴ К пребыванию Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Сергия, Архиепископа Финляндского и Выборгского, в Петрозаводске // ОЕВ. 1910. № 6. С. 105.
- ¹⁵ С. Остречины Петрозаводского уезда // ОГВ. 1902. № 82. С. 3.
- ¹⁶ Никанор, епископ. Как следует совершать богослужение // ОЕВ. 1909. № 15. С. 333–335.
- ¹⁷ Островский Д. Паломничество карел в Колат-сельгу // Там же. 1910. № 21. С. 479.
- ¹⁸ Журналы чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии. 17–25 июня 1917 года. Петрозаводск, 1917. С. 135.
- ¹⁹ Второй Всероссийский съезд хоровых деятелей // ОЕВ. 1909. № 25. С. 545.
- ²⁰ Чуков Н. Об улучшении церковного пения в епархии // Там же. 1906. № 18. С. 676.
- ²¹ Е. М. Путевые заметки // Там же. 1906. № 22. С. 862.
- ²² Постановление Олонецкого Епархиального начальства (от 15 мая за № 131) // Там же. 1907. № 11. С. 276.
- ²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 383. Л. 7–7, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г.).
- ²⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 24/1639. Т. 2. Л. 348 (Сведения о состоянии первого благочиннического округа Вытегорского уезда).
- ²⁵ Н. Н. Школьный праздник // ОЕВ. 1900. № 1. С. 25.
- ²⁶ Лосев С. «В Дикой Кореле» // ОГВ. 1902. № 12. С. 2.
- ²⁷ Там же. С. 2.
- ²⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 24/1639. Т. 1. Л. 192 (Рапорт благочинного церквей второго благочиннического округа Олонецкого уезда протоиерея Симеона Соловьева).
- ²⁹ Духовные чтения в Мошинской второклассной школе // ОЕВ. 1905. № 3. С. 95.
- ³⁰ С. И. Д. Храмовой праздник в Олонецкой духовной семинарии // Там же. 1909. № 13. С. 293.
- ³¹ Чтения в Назариевском доме // Там же. 1909. № 13. С. 298.
- ³² Котляревский В. Недостатки в постановке пения, как учебного предмета, в наших духовно-учебных заведениях // Там же. 1905. № 13. С. 419.
- ³³ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1683. Л. 111, об. (Рапорт благочинного третьего каргопольского благочиннического округа).
- ³⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 24/1639. Т. 2. Л. 348 (Сведения о состоянии первого благочиннического округа Вытегорского уезда, состоящего в заведовании благочинного Вытегорского погоста Покровской церкви священника Стефана Громова, составленные по указанию предметов ежегодного донесения епархиальным преосвященным Святейшему Синоду).
- ³⁵ Страничка из отчета уездного наблюдателя о жизни церковных школ Каргопольского уезда // ОЕВ. 1909. № 29. С. 653.
- ³⁶ Чтения в Назариевском доме Братства (18-го, 22-го и 25-го октября и 1 ноября) // Там же. 1909. № 30. С. 683.
- ³⁷ Отчет о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в 1903/1904 учебном году // Приложение к № 7 ОЕВ за 1905 г. С. 2.
- ³⁸ Там же. С. 4.
- ³⁹ От Олонецкого епархиального училищного совета // ОЕВ. 1905. № 8. С. 233.
- ⁴⁰ Там же. С. 234.
- ⁴¹ Там же. С. 235.
- ⁴² Котляревский В. Недостатки в постановке пения, как учебного предмета, в наших духовно-учебных заведениях // Там же. 1905. № 12. С. 383.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ А. М-ов. Народное пение в храме // Там же. 1910. № 24. С. 538–539.
- ⁴⁵ Там же. С. 539.
- ⁴⁶ Н. Н. О чтениях в Братском Назариевском доме // Там же. 1909. № 8. С. 183.
- ⁴⁷ Петропавловский А. Памяти о. М. А. Туманова // Там же. 1909. № 20. С. 444.

- ⁴⁸ Смирнов Е. В. Освящение Горской церковно-приходской школы Лодейнопольского уезда // Там же. 1909. № 32. С. 773.
- ⁴⁹ Светлов И. Освящение здания церковно-приходской школы в Типиницком приходе Петрозаводского уезда // Там же. 1905. № 5. С. 150.
- ⁵⁰ В. Н. Освящение храма в селе Бадобах // Там же. 1905. № 1. С. 25.
- ⁵¹ Роев В. Страничка из приходской жизни // Там же. 1910. № 25. С. 551.
- ⁵² Петропавловский А. Священники-диаконы и диаконы-псаломщики // Там же. 1909. № 20. С. 408–411.
- ⁵³ В-ъ Ф. М. Празднование дня Преображения Господня в Каргопольском Спасо-Преображенском монастыре в 1905 году // Там же. 1905. № 19. С. 567.
- ⁵⁴ Ольгский П. Протоиерей Михаил Александрович Прилежаев (Некролог) // Там же. 1905. № 20. С. 610.
- ⁵⁵ Хроника // Там же. 1911. № 16. С. 272.
- ⁵⁶ Второй Всероссийский съезд хоровых деятелей (продолжение статьи) // Там же. 1909. № 26. С. 563.
- ⁵⁷ Отчет Олонецкого Епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910–11 учебный год // Приложение к № 36 ОЕВ за 1911 год. С. 15.
- ⁵⁸ Н. Преосвященный Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский, его назначение, прибытие и начало служения в г. Петрозаводске // ОЕВ. 1909. № 3. С. 66.
- ⁵⁹ Забавкин И. Первая обедня деревенского хора (из дневника учителя) // Там же. 1909. № 34. С. 870.
- ⁶⁰ Извлечение из рапорта на имя Его Высокопреосвященства епархиального миссионера, священника Дмитрия Островского, о миссионерской поездке по зараженным расколом приходам Петрозаводского и Повенецкого уездов // Там же. 1905. № 15. С. 467.
- ⁶¹ Власков А. Десятилетний юбилей хора приказчиков // Там же. 1909. № 15. С. 341.
- ⁶² М. Собрание деятелей церковного пения в г. Петрозаводске // Там же. 1909. № 15. С. 339.
- ⁶³ Церковное пение в России вообще, и у нас в Олонии (Несколько слов о его недостатках и об устранении их) // Там же. 1915. № 13. С. 235.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
 ОЕВ – Олонецкие епархиальные ведомости
 НА РК – Национальный архив Республики Карелия
 РГИА – Российский государственный исторический архив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вязьмин Ю. Н. О состоянии церковного пения в духовных учебных заведениях Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века // Православие в России и за рубежом: богословие, история, культура, межрелигиозный диалог: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 140-летию начала образовательной деятельности Оренбургской духовной семинарии (1884 г.) и 15-летию ее возрождения. Оренбург: Оренбургская духовная семинария, 2024. С. 71–82.
2. Гарднер И. А. Богослужбное пение в Русской Православной Церкви. Т. 1: Сущность, система и история. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. 498 с.
3. Гарднер И. А. Богослужбное пение в Русской Православной Церкви. Т. 2: История. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. 530 с.
4. Глушков С. О. История обучения церковному пению в школах Марийского края в 1900–1917 годах // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1. С. 260–272.
5. Давыдова Н. А. Проблема стиля в русском церковном пении рубежа XIX–XX веков // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 1. С. 68–71.
6. Зверева С. Г. Книга о А. В. Никольском и хоровом движении в поздней императорской России // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VIII: А. В. Никольский и хоровое движение в России в начале XX века. Кн. 1: Литературно-музыкальное наследие А. В. Никольского. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 37–58.
7. Кожевникова Ю. Н. Просветительская деятельность монастырей Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX века // Православие в Карелии: Материалы Второй междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 216–219.
8. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
9. Цыкина Ю. Ю. Традиции церковного пения и становление музыкального образования в Марийском крае в дореволюционный период // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). Серия «История». Вып. 36. С. 133–136.
10. Шавельский Г. И. Русская Церковь перед революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. 512 с.
11. Шевцова О. Б. Начало русской науки о церковном пении // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2012. Вып. 1 (7). С. 96–111.

Поступила в редакцию 20.05.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Review article

Maxim V. Pulkin, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-8846-1781; mvpulkin@mail.ru

CHURCH SINGING IN THE ORTHODOX PARISHES OF THE OLONETS EPARCHY BETWEEN THE LATE XVIII AND EARLY XX CENTURIES

Abstract. The study examines the main patterns of measures aimed at enhancing church singing within the Olonets Eparchy. The relevance of the topic stems from the unique and enduring liturgical significance of church singing, both during the period under study and in contemporary practice. The novelty of the research is determined by the absence of prior studies on this subject, particularly drawing on materials from northern eparchies. The key findings are as follows: analysis of the consistory's office records and articles in the eparchial press reveals that both spiritual authorities and laypeople consistently and persistently demanded the clergy to adhere to standards of "decorum" in liturgical practice (with these demands being similar in form and content). Influenced by steadily growing demands from both church leadership and laity, church singing became a vital component in clergy training, was incorporated as a mandatory subject in parish schools, and offered significant opportunities for nurturing musical talents among adult parishioners. A major trend in the development of choral music within the eparchy has been the active engagement of a large number of parishioners in full participation during services through regular collective singing alongside clergy.

Keywords: singing, music, church, believers, clergy, school, choir

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state research task No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pulkin, M. V. Church singing in the Orthodox parishes of the Olonets Eparchy between the late XVIII and early XX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):83–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1354

REFERENCES

1. Vyazmin, Yu. N. On the state of church singing in religious educational institutions of the Orenburg Province during the second half of the XIX and early XX centuries. *Orthodoxy in Russia and abroad: theology, history, culture, interreligious dialogue: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 140th Anniversary of the Orenburg Theological Seminary (1884) and the 15th Anniversary of Its Revival*. Orenburg, 2024. P. 71–82. (In Russ.)
2. Gardner, I. A. Liturgical singing in the Russian Orthodox Church. Vol. 1: Essence, system, and history. Moscow, 2004. 498 p. (In Russ.)
3. Gardner, I. A. Liturgical singing in the Russian Orthodox Church. Vol. 2: History. Moscow, 2004. 530 p. (In Russ.)
4. Glushkov, S. O. The history of church choral teaching at schools of the Mari area in 1900–1917. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*. 2012;1:260–272. (In Russ.)
5. Davydova, N. A. The problem of style in Russian church singing at the turn of the XX century. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;1:8–71. (In Russ.)
6. Zvereva, S. G. The book about A.V. Nikolsky and the choral movement in late Imperial Russia. *Russian church music in documents and materials. Vol. VIII: A. V. Nikolsky and the choral movement in Russia in the early XX century. Book 1: Literary and musical heritage of A. V. Nikolsky*. Moscow, 2017. P. 37–58. (In Russ.)
7. Kozhevnikova, Yu. N. Educational activities of monasteries within the Olonets Eparchy during the second half of the XVIII and early XX centuries. *Orthodoxy in Karelia: Proceedings of the Second International Scientific Conference Dedicated to the 775th Anniversary of the Christianization of the Karelians*. Petrozavodsk, 2003. P. 216–219. (In Russ.)
8. Pospelovsky, D. V. The Russian Orthodox Church in the XX century. Moscow, 1995. 511 p. (In Russ.)
9. Tsykina, Yu. Yu. Traditions of church singing and development of musical education in the Mari Region during the pre-revolutionary period. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;37:133–136. (In Russ.)
10. Shavel'sky, G. I. The Russian Church before the Revolution. Moscow, 2005. 512 p. (In Russ.)
11. Shevtsova, O. B. The beginning of the Russian church singing science. *St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art*. 2012;1:96–111. (In Russ.)

Received: 20 May 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026